Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Никулин А.М., Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Гусаков Т.В., Троцук И.В.

Социально-экологические практики неформальной экономики сельских домохозяйств в России и постсоциалистических странах

Москва 2019

Аннотация. Экологическая проблематика сегодня находится в фокусе не только научного и управленческого, но и обыденного интереса горожан и сельских жителей, причем речь все чаще идет о деревне, которая утратила свой прежний «статус» экологического «анклава» по причине нарастания количества и остроты кризисных экологических ситуаций на сельских территориях. Однако нас интересуют не подобные ситуации как таковые, а последствия деформации прежнего экологического равновесия между крестьянскими домохозяйствами и привычной средой их жизнедеятельности, а также повседневные усилия сельских жителей в рамках своей неформальной экономики по восстановлению традиционного экологического состояния села или, по крайней мере, по недопущению его ухудшения. На основе статистических, исторических и собственных эмпирических данных были рассмотрены типы практик, определяющих форматы устойчивого локального и регионального агрономического и социально-экономического взаимодействия социальных агентов на сельских территориях.

Abstract. Today environmental issues are in the focus not only of scientific and managerial but also of everyday interest of townspeople and villagers, and such concerns are increasingly about the countryside for it lost its previous “status” of ecological “enclave” due to the growing number and severity of environmental crisis situations in rural areas. However, we do not consider these crisis situations as such but rather the consequences of the deformation of the previous ecological balance between peasant households and their environment, and we study the daily efforts of rural residents within their informal economy to restore the traditional ecological state of the village or, at least, to prevent it deterioration. Based on statistical, historical and empirical data, we consider the types of practices that determine the formats of sustainable local and regional agronomic and social-economic interaction of social agents in rural areas.

Никулин А.М. директор научно-исследовательского Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Виноградский В.Г. ведущий научный сотрудник Центр аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Виноградская О.Я. старший научный сотрудник Центр аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Гусаков Т.В. младший научный сотрудник Центр аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Троцук И.В. ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2018 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....5
1 ТИПОЛОГИЯ ПРАКТИК, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ РОССИЙСКИЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ.....6
2 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВАРИАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК.....17
3 БАЗОВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И АГРОНОМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ.....29
4 РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ.....39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....42
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....45

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики работы обусловлена необходимостью выявления тех рутинных действий, а также лежащих в их основе традиционных моделей социально-экономического взаимодействия и мотиваций, которые приводят к появлению новых перспектив для формирования неформальной экономики устойчивого развития сельской местности в России в историческом прошлом, настоящем и будущем. Подобный поворот проблематики научно-исследовательской работы Центра аграрных исследований, с одной стороны, продолжает его предыдущие проекты, посвященные моделям «низового» выживания сельских территорий; с другой стороны, актуален и своевременен, поскольку неформальная экономика сегодня вбирает в себя ряд типов деятельности и сетевых взаимодействий социальных акторов (и стейкхолдеров на селе), ориентированных не только на получение прибыли, но и на достижение целей выживания, благосостояния и воспроизводства семейных домохозяйств в широком социальном и экологическом контексте, причем с опорой как на человеческий и социальный капитал, так и на сугубо агрономические знания.

В контексте изучения исторического прошлого, актуальных форм и перспектив эволюции хозяйственных, агрономических, потребительских и социально-культурных практик сельских домохозяйств в работе будет теоретико-методологически проработана проблематика соотношения базисных основ неформальной экономики сельских домохозяйств и тех различных региональных и локальных хозяйственных, агрономических и социально-экологических практик, в рамках которых она реально осуществляется. Предполагается, что погруженность неформальной экономики в данные социально-экологические и экономико-хозяйственные координаты задает тот общий деятельностный контекст, который определяет, формирует и задает сценарии как ближайших, так и отдаленно-перспективных хозяйственно-экономических и культурных практик российских сельских сообществ.

1 ТИПОЛОГИЯ ПРАКТИК, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ РОССИЙСКИЕ ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АГЕНТОВ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

Экологическая история российских сел на протяжении всего минувшего столетия и начала XXI века может быть условно разделена на четыре примерно равных по продолжительности периода. Первый можно назвать «старым» или «общинно-единоличным», он предшествует событиям коллективизации 1929-1931 годов, второй – «новый» или «колхозно-совхозный» (с начала коллективизации до конца 1950-х – начала 1960-х годов), третий или «зрелый», «позднеколхозный» – с начала 1960-х до начала 1990-х годов, и четвертый или «новейший» – по преимуществу «фермерско-агрохолдинговый», открылся аграрным реформированием 1990-х-2000-х годов, отмеченным радикальными изменениями экономической и социальной моделей развития.

Каждый из перечисленных периодов обладал своими особенностями и характеризовался специфическими отличительными чертами. Не исключено, что и сами разделительные метки между этими периодами можно было бы фиксировать по перечню критериев. И если переход от «общинно-единоличного» периода природопользования к «колхозно-совхозному» связан прежде всего со сменой организационной модели хозяйствования, то трансформация этого этапа в «позднеколхозный» и «новейший» неразрывно связана сначала с массовым приходом в село индустриализации с ее неизменными атрибутами - механизацией, электрификацией и химизацией, а затем и с радикальным обновлением всех технологических и менеджерских практик последних 10-15 лет. Но содержанием всего почти столетнего период следует, вероятно, признать деформацию, а часто и просто разрушение экологического равновесия между крестьянскими домохозяйствами и привычной средой их жизнедеятельности. Нельзя сказать, что подобные действия были исключительно сознательно целенаправленными и осуществлялись «сверху» как реализация некой управленческой воли. В ряде случаев такие последствия возникали по недосмотру и непрофессионализму управленцев, были результатом высокомерного пренебрежения к исконному крестьянскому опыту.

Однако в целом отлучение от природной среды носило вполне осознанный и целеустремленный характер, и, более того, имеет все признаки долговременной государственной политики, которую можно назвать политикой «огосударствления» среды обитания. Разумеется, эта политика не имела в виду эскалацию экологического кризиса до масштабов национального экоцида, как считали некоторые комментаторы конца 1980-х годов, склонные к обостренному восприятию экологической проблематики [см.: 1-9]. Этот

кризис скорее является ее побочным продуктом. На самом деле организаторы этой политики ставили перед собой другую прагматическую цель: снять те ограничения для быстрого экономического роста, которые накладывались на него старой общинной моделью природопользования и независимыми крестьянскими природоохранными институциями. И поскольку эта политика была подчинена «внешним» для крестьянского мира целям и не контролировалась на уровне села, она была и по сей день остается в крестьянских рассказах разновидностью стихийного бедствия, ниспосланного свыше, которое нельзя было предотвратить раньше и которому нельзя противостоять и по сей день.

Обратимся к исторической экспликации тех моментов крестьянской повседневности, которые непосредственно связаны с экологической проблематикой. Материалы для данного раздела были получены с использованием инструментария, базирующегося на принципах качественной социологической методологии и «двойной рефлексивности» в шести ключевых аграрных регионах России и в Республике Беларусь (в шестнадцати сельских поселениях).

По сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х годов (не говоря уже о последней четверти века) экологическая ситуация в доколхозной деревне представляется сельчанам вполне эталонной. В ходе проведенных в 2018 году полевых экспедиций выяснилось, что для жителей деревни это был «золотой век», время благоприятной как для повседневного хозяйствования, так и для жизни в целом гармонии с природой. Особенно наглядно это в селах, которые сильнее других затронуты экологическим кризисом начала 1990-х годов. В селах Западной Белоруссии, которая до Второй мировой войны входила в состав Польши, первый период экологической истории закончился позднее, чем в России, растянувшись до конца 1940-х годов, и там традиции совместной работы по поддержанию освоенности территории продолжались до начала войны. В данном случае обращает на себя внимание десятилетиями налаженное взаимодействие местных властей (польских управляющих) с владельцами отдельных домохозяйств. И даже если вся эта работа осуществлялась в связанности ее с опасением быть оштрафованным, но не менее важным регулятором была деревенская репутация каждого домохозяйства. Были и другие интерсубъективные механизмы поддержания социально-экологического порядка в конкретном поселении.

Водные ресурсы доколхозной деревни были поистине драгоценным достоянием любого сельского пространство, независимо от региона исследования. Дело в том, что по сравнению с колхозными и особенно постколхозными временами количество домашней скотины (особенно крупного рогатого скота) было неизмеримо более значительным.

Крестьянским домохозяйствам ежедневно были потребны удобные, чистые, ухоженные естественные водопои. Поэтому реки, речки, ручьи, пруды всегда были под неусыпным присмотром всего крестьянского мира. Заболоченные территории запада России и Белоруссии также были включены в хозяйственно-экономические практики местного населения. Лесные угодья, приписанные к конкретным сельским поселениям, также были неисчерпаемым источником ресурсов для строительства деревенских жилищ и хозяйственных построек, для отопления. Местные власти торговали лесом, транспортируя его в степные районы.

Для сопоставления этой картины переместимся севернее, в Вологодскую область, а затем на несколько тысяч километров восточнее, в Сибирь (Алтай и Новосибирская область). Здесь в составе хозяйственных практик отчетливо наблюдается в это «единоличное» время общая для всего населения конкретного села социально-экологическая настроенность, согласный мир, ведомый своего рода негласным экологическим императивом, вытекающим из потребностей физического выживания и, в то же время, из стремления минимизировать технологические усилия, т.е. крестьяне аккуратно подстраивали местную экосистему к перечню своих актуальных жизненных потребностей.

Крестьянские воспоминания фиксируют общую заботу о ресурсном потенциале местных природных угодий и необходимых, но достаточных объемах его потребления. Отметим, что уходящие в глубину времен практики негласного, но прочного закрепления территорий охоты за конкретным человеком или семьей сохранились до настоящего времени. Изучая неформальные экономические форматы в южнорусском регионе (в частности, в кубанском Приазовье), мы убедились, что все наиболее уловистые участки берегов рек и особенно азовских лиманов точно и традиционно поделены между представителями наиболее авторитетных станичных кланов. Нарушение порядка рыбной ловли в этих местах чужаками жестоко, вплоть до физической расправы, пресекается. Экологические практики домохозяйств в сибирском регионе принципиально не отличались от имевших место и на русском Севере, и на западных границах России, а также в Белоруссии. Разным оказывалось природное окружение и в меньшей степени климатическое своеобразие указанных регионов. Однако эти разные сельские миры были исполнены того особого хозяйственно-экономического «настроения», в котором явно ощущается совокупная воля и традиционные практики общинного природопользования с его регламентационными, наблюдательно-ограничительными механизмами и санкциями.

Что касается Тверской области, то записанные в нескольких селах и деревнях воспоминания о доколхозных практиках, нацеленных на поддержание экологического благополучия, так же, как и в других регионах сельской России, фиксируют ситуацию постоянного и результативного взаимодействия жителей, согласования их интересов и трудовых усилий через механизм сельского схода. В это единоличное время, в противовес нынешнему состоянию сельского социума, имело место систематическое сотрудничество отдельных крестьянских дворов, направленное не только на поддержание в исправности окрестных угодий, но и постоянно наблюдались акты мирского согласия, ситуации общей договоренности по поводу любых общинных дел и забот.

Экологическая проблематика аграрной сферы, в том числе проблематика, сосредоточенная в области социально-экологических практик неформальной экономики сельских домохозяйств не может в ходе рассмотрения конкретных производственно-экономических акций не учитывать ряд общих предпосылок, детерминирующих (непосредственно или окольно) весь событийный массив, приуроченный к нескольким десятилетиям колхозной эпохи. Наиболее общим фоном соответствующих практик была их фундаментальная идеологическая подоснова. В соответствии с господствовавшими марксистскими схемами только социалистический общественный строй открывает реальные возможности для всеобщего материального достатка и процветания, если не изобилия. Но перед социалистическим обществом никогда не ставилась задача находиться в гармонии с природой. Наоборот, оно конструировалось не в последнюю очередь для того, чтобы конфликтовать с ней. И пусть даже этот конфликт маскировался лозунгами покорения природы, яркими схемами хирургического корректирования и приспособления ее естественных процессов к человеческим потребностям (вспомним И.В. Мичурина и его максиму о «милостях природы», грандиозную целинную эпопею, проект поворота северных рек и множество других распорядительных амбициозных замыслов и действий), суть оставалась одной – решительно изменить природу и «окультурить» ее изначальную дикость. Глубинная причина этого произвольного натиска заключается в том, что окружающая среда опрометчиво описывалась идеологами марксизма как находящаяся в состоянии беспорядка и хаоса. Историческая миссия социализм состояла, в частности, в том, что именно новый, прогрессивный общественный строй должен был ликвидировать хаос, «покорить» природу и использовать ее в своих интересах. Интересы прогресса обязывали снять противоречия между средой «как она есть» и какой она «должна быть» [10].

На рубеже 1930-х годов, с началом развертывания системы коллективизационных мероприятий, в российских селах стали быстро изменяться формы и принципы организации всей крестьянской жизни, включая ее природоохранную сторону. Социально-экологические привычки сельского населения постепенно ампутировались и довольно скоро они стали коренным образом отличаться от старых, общинно-единоличных алгоритмов повседневности. Не в последнюю очередь это могло осуществиться потому, что деревня стала жестко управляться сверху, при помощи приказов и постановлений. Их логика была продиктована не локальными нуждами, и не стремлением поддержать экологический баланс, а необходимостью вписаться в рамки многочисленных советских починов и кампаний. Все показатели объемов выпуска сельскохозяйственной продукции вышли из-под контроля общины и стали планироваться сверху. Поскольку разверстка планов проводилась по отраслевому, министерскому принципу, отдельные аспекты природопользования попали в руки разных ведомств и единая экологическая политика по отношению к конкретной территории, проводимая когда-то самой общиной, отошла в прошлое. Вместо прежнего хозяина всех сельских угодий – схода, появился колхоз, а вслед за ним и отраслевые организации – лесные, землеустроительные, рыбопромысловые, которые взяли на себя большую часть старообщинных природоохранных функций. Осторожная чуткость сельского мира к своему природному телу сменилась громогласной переустроительной активностью с ее демонстрационно-показательной компонентой, адресованной высокому начальству. В определенных формах подобного рода практики сохранились и по настоящее время, нередко приобретая (в силу мощной технологической оснащенности) поистине трагический характер.

Хотя смена моделей природопользования в начале колхозной эпохи была достаточно медленной и растянулась на несколько десятилетий, а общественные институции и традиции конструировали отдельные фрагменты повседневного существования на селе еще довольно долго, постепенно устойчивый сельский мир все более сворачивался, традиционные практики угасали под влиянием систематической пропаганды. Этот процесс был бы еще более медленным, если бы не Отечественная война 1941-1945 годов, вынудившая быстро научиться грубому пренебрежительному отношению к природным ресурсам, драматически оправдывавшая их мобилизацию для нужд фронта или местного гражданского населения, лишенного прежних государственных источников снабжения продуктами и топливом.

Начавшийся в послевоенное время миграционный отток из сел привел к тому, что окраинные деревни обезлюдели, возникла необходимость укрупнения хозяйств,

управляющие органы которых переносились в райцентры и крупные города. Ведомства, монополизировавшие управление природными ресурсами, удалились от конкретных территорий и могли сочинять самые фантастические планы «великого преобразования природы», не будучи связанными контролем со стороны сельского населения, которое должно было безропотно терпеть все последствия претворения в жизнь этих планов.

Наши сельские респонденты внимательно фиксируют прогрессирующую по мере эволюции колхозных технологических порядков степень рачительности и внимательности в ходе осуществления рутинных полевых работ. В рассказах довольно часто фигурирует контраст между каждодневной заботой о собственном приусадебном участке и обезличивающей «казенщиной» колхозных процедур. Водоохранные привычки доколхозной поры еще довольно долгое время воспроизводились в хозяйственных практиках домохозяйств, контролируемых местной властью. Но с постепенным введением в строй водопроводной деревенской сети речки перестали быть предметом чуть ли не ежедневной заботы и постоянного сезонного ухода. Весьма типичный сюжет, постоянно фигурирующий в крестьянских воспоминаниях о колхозных практиках землепользования – это противопоставление хотя и различных по трудоемкости (машинный труд, разумеется, легче), но несопоставимых по качеству продукции и, особенно, угнетающих экологическую систему, технологий. Развитие колхозов заметно повлияло на экологическую систему северных территорий сельской России. Особенно это заметно в Архангельской области, где в колхозах объемы лесозаготовок постоянно менялись в сторону их увеличения: они планировались государством и год от года нарастали. Сплав леса для его повышенных объемов проводится уже не плотами, а молем, что привело к засорению рек топляком, а постепенное расхождение между вырубкой и приростом леса стало началом «облысения».

Записанные нами в социологических экспедициях «голоса снизу», эти незамысловатые крестьянские воспоминания и размышления, не претендуя на художественность и общезначимость, раз за разом точно и всесторонне документируют удручающую картину экологических практик колхозного строя и, по необходимости тесно связанного с ним, экономического поведения сельских домохозяйств. Они выразительно характеризуют набор по существу антиэкологических действий в отношении лесных ресурсов, – действия, определяющих в целом потребительское, не задумывающееся о возможных перспективах, хозяйственное настроение колхозных времен. И даже отдельные усилия, направленные на обеспечение заботы о лесных ресурсах территорий, выразительно оттеняют в основном, безжалостный, варварский

характер типичных лесохозяйственных практик. Характерно, что в крестьянских суждениях явственно прослеживается разница между хозяйственно-экологическим поведением разного рода институций (колхоза, лесхоза, заготконтор, представителей военной промышленности и т.п.) и собственно субъектов, представляющих отдельные семейные домохозяйства. Упоминания об устойчивых, воспитанных еще в годы единоличных хозяйственных практик привычках повседневной заботы о сохранности леса, выработанных в ходе взаимодействия волостных и уездных властей с крестьянским народом, постоянно фигурируют в дискурсивной ткани крестьянских повествований. Это важное свидетельство определенной оформленности настроения нынешнего сельского мира, горестно, но безучастно наблюдающего прогрессирующее оскудение лесных угодий.

Если в предыдущие десятилетия (1930-1960) были заложены важнейшие предпосылки затронувшего многие стороны сельской повседневности экологического кризиса – идеологическая и организационно-хозяйственная, то уже с начала 1960-х годов к ним добавились еще и поистине безграничные технические возможности для претворения в жизнь самых смелых планов «покорения природы». И уже буквально через считанные годы последствия такой политики проявили себя в полной мере.

Всю местную экологическую политику, а также основной массив неформальных экономических действий домохозяйств, так или иначе сопряженных с социально-экологической ситуацией, стали определять руководители сельскохозяйственных производств и специализированных служб. В своей работе они руководствовались собственным идеалом культурного сельского ландшафта – упрощенным, однобоким и, как правило, примитивным. Основными его элементами должны были стать некие специально подготовленные чуть ли не для механическо-индустриального потребления природные комплекты и ресурсы. К ним обычно причислялись: спелый суходольный лес, пригодный для сплошной рубки (в разговорах с нами крестьяне в сердцах называют подобные практики страшными, изуверскими, преступными); искусственный пруд с рыбой, которую можно ловить чуть ли не голыми руками, элементарно спустив воду и заехав туда на гусеничном тракторе; однообразные, принудительно выровненные поля под зерновые со сведенными ручьями, заваленными речками, засыпанными оврагами и балками, где в изобилии размножаются необходимые для опыления насекомые, со срытыми холмами, заросшими обильным травостоем. Вместе с увеличением числа ведомств, которые могли распоряжаться природными ресурсами (к ним добавились военные, строители, связисты, энергетики, транспортники, газовики, нефтяники, агрохимики) и отсутствием каких-либо

юридических ограничений у всех этих организаций, как правило, устроенных по военному образцу с единоначалием и беспрекословным подчинением сверху донизу, появились мощные рычаги воздействия на природу, которые решительно превзошли все, что было известно ранее.

Эти рычаги были вызваны к жизни проведением общегосударственных программ по механизации, электрификации, химизации и индустриализации сельскохозяйственного производства. В селе появились мощные тракторы, экскаваторы, автомобили, комбайны, строительная техника, дешевые бензин и солярка, минеральные удобрения, пестициды, инсектициды и дефолианты. Применением всех этих средств руководили городские конторы, по-прежнему склонные к выработке абстрактных «кампанейских» планов, составленных с упором на количественные, а не на качественные или целевые критерии. Продолжающаяся быстрыми темпами депопуляция сел, особенно северных, нечерноземных и белорусских вызвала всеобщее запустение, прекращение надзора за природой, уменьшение площади пашни и всех сельскохозяйственных угодий, одичание природы и уменьшение освоенности территории. Если принять во внимание, что поселение и опоясывающая его территория обнаруживают в своей организации некие животворные по своему существу «социально-экологические годовые кольца» – следы исторически различных способов хозяйствования, то в описываемые десятилетия они сжимаются, упрощаются, сводятся на нет.

Гораздо хуже ситуация стала складываться в отношении тех сел и деревень, которые «сверху», без многофакторной подготовки, содержащей серьезный гуманитарный блок, без попыток учета традиций и мнения местных жителей, были выбраны точками роста, произвольно сочтены союзными и областными чиновниками перспективными для инвестиций или оказались вблизи крупных, быстро растущих городов. Их территория стала ареной конкуренции, местом столкновения взаимоисключающих друг друга видов землепользования: рекреационного, сельскохозяйственного, промышленного, транспортного. Бесконтрольные нашествия быстро автомобилизирующихся горожан, любителей «отдыха на природе», руководствующихся, как и прежде их прадеды, нормами обычного права (тем, к чему не приложены руки и не принадлежащим никому, может пользоваться любой желающий) начали систематически, из года в год, из сезона в сезон разорять леса, ягодные, грибные, речные угодья пригородных, а затем и глубинных сел.

Культ индустриализма, сопутствовавший советскому государству с первых лет его основания, породил настойчивые попытки внедрить индустриальные принципы организации в сельскохозяйственное производство. К этим принципам можно отнести:

использование экономии на масштабе производства, конвейерную организацию технологических процессов, применение оценок эффективности работы, выработанных в промышленности. В селе появились огромные животноводческие комплексы, сбрасывающие стоки, как средний по размерам поселок, а также сельские агрогородки, вобравшие в себя все недостатки городского жизненного пространства и не организовавшего ни одного из позитивных черт и достоинств городской жизни. Перестав быть в полном смысле этого слова селами, агрогородки и поселения не обзавелись и необходимыми для такого образа жизни экологическими институтами, например, службой уборки и захоронения отходов, организация которой была в свое время сочтена для агрогородов лишней и нерентабельной.

Крестьяне не могли справиться с этой неуправляемой, идущей от бюрократических институтов стихией. Старые, испытанные в традиционных сельских мирах способы защиты собственных интересов были основательно забыты, а порой законодательно упразднены, да и сами сельские общины стремительно стратифицировались по иным, чем прежде, основаниям. Сельские общества последней трети XX века оказались разделенными на местных и приезжих, технологическую и управленческую элиту и рядовых колхозников, старых и молодых селян, недавних горожан и дачников. Все они явились носителями различных представлений о территории проживания, демонстрировали и культивировали спектры несовпадающих и часто противоречащих общему укладу потребности. Представления о моральности тех или иных способов природопользования также начали заметно различаться. В этих условиях сельские сообщества не были внутренне ориентированными на согласованные действия по поддержанию исправного состояния экологической и жизненной среды. Они не стремились овладеть ситуацией или им не удавалась выработать единую согласованную политику и взять под контроль свою территорию, ориентируюсь хотя бы на известную старожилам практику начала XX века.

В «позднеколхозные» десятилетия заметно изменились практики местного, мелкомасштабного, ежедневного водоснабжения отдельных семейных домохозяйств. В старой русской деревне источники чистой воды поддерживались в постоянной исправности. Для этого существовала и междворовая кооперация по чистке родников и русел рек, для этого в деревне существовали специалисты, умевшие следить за водой и передававшие соответствующие технологические навыки по наследству. В регионе Нечерноземья сначала с воодушевлением, а потом весьма болезненно были восприняты государственные программы мелиоративных работ. До конца непонятно, с чем связана

такая оценка местных жителей, однако очевидные технологические несообразности в такого рода мероприятиях стали для сельчан очевидными, поскольку они располагали возможностью сравнить прошлую и вновь созданную экологическую ситуацию – причем даже в самых незначительных мелочах.

Чем дальше развертывается история колхозных технологических порядков, тем больше удаляются от земли и от практик ее традиционной обработки руководитель сельскохозяйственных предприятий. Рассказывая об этом, наши сельские информанты почти всегда в своих взволнованных повествованиях перебрасывались на смежные с проблемами ухода за землей и обработки пашни неурядицы экологической обстановки в деревне последней трети XX века. По воспоминаниям крестьян, экологическая обстановка стала заметно меняться параллельно росту дотаций в сельское хозяйство, когда вместо интенсивных технологий обработки земли стали применяться разнообразные химические удобрения и другие средства повышения урожайности культур. Последняя треть XX столетия обернулась историческим временем, когда коренные и часто непоправимые перемены произошли в базовых элементах пространства крестьянской жизнедеятельности. Экологическая обстановка стала не только непривычной, но и поистине чужой, заставляющей менять традиционно устойчивые производственно-экономические технологии крестьянских домохозяйств. Рассказы крестьян звучат все более тревожно, так как экологическая обстановка все больше угнетает население.

Если раньше, рассказывая о раннеколхозных (особенно единоличных) хозяйственных практиках, крестьяне постоянно упоминали о действиях отдельных дворов, хозяйств, рассказывали о неформальных социально-экологических акциях, направленных и на эксплуатацию, и на «ремонт» окружающей среды, на поддержания ей исправного состояния, то уже в последней трети века семейные домохозяйства исчезают из информационного пространства. И наоборот, на первый план выдвигаются региональные производственно-хозяйственные институции (колхозы, совхозы, леспромхозы, заготконторы, мелиоративные отряды и т.п.). В последнее время социально-экологические проблемы деревни обостряются как раз из-за исчезновения тех институций, которые следили за экологическими параметрами территории, и вследствие стремительного разрастания агрохолдингов, цель которых – получение прибыли всеми возможными инструментами и методами.

Помимо общего ухудшения социально-экологического фона буквально во всех обследованных районах, в некоторых селах уже, кажется, перейдена роковая черта, отделяющая неблагоприятную экологическую ситуацию от экологического кризиса или

даже катастрофы. Такие села, как правило, находятся либо вблизи крупного города, либо в зоне влияния военных полигонов и космодромов. Есть села и деревни, которые особенно сильно пострадали от общегосударственных программ мелиорации и химизации. Рассказы местных жителей буквально переполнены примерами фактов варварского отношения к экологической среде, практикуемого в органах хозяйственного и экономического управления. Именно они ответственны за полное отсутствие контроля за деятельностью низовых хозяйственных институций – колхозов, совхозов, бригад. Это общее настроения попустительства, расстроенности базовых представлений о сути отношений природы и человека, зафиксированное социологами в начале 1990-годов, в определенной мере можно наблюдать и сейчас – иизменились лишь действующие лица и исполнители.

2 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВАРИАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ ПРАКТИК

В последнее время все в большем количестве стран в сельской местности вновь набирают популярность общественные кооперативные организации, объединяющие как семейные фермерские хозяйств, так и обычные домохозяйства, инициативы которых в области сельского хозяйства связаны с сохранением экологического благополучия местных территорий. Такие организации способствуют повышению солидарности и сплоченности различных социальных групп местного населения и устойчивому развитию сельских территорий. В то же время в сельских районах ряда европейских стран (Болгария, Германия, Италия, Ирландия, Нидерланды, Португалия, Финляндия, Франция, Чехия) повсеместное распространение получает, например, совокупность практик под общим названием «social farming» [11]. Этот термин в русском языке не имеет адекватного перевода, поэтому его эквивалентами часто выступают словосочетания «социальное сельское хозяйство», «сельское хозяйство для здоровья» или «сельскохозяйственная терапия». Практики social farming открывают фермерам, домохозяйствам и организациям, работающим в сельских районах, возможности по разработке и внедрению новых альтернативных услуг, расширяющих их деятельность и усиливающих их роль в обществе. При этом создаются новые рабочие места для людей с особыми потребностями, которые не могут найти работу в обычном социуме из-за испытываемых ими трудностей с социальным взаимодействием. Таким образом, social farming, как социально-экологическая система, активизируя возможности людей с особыми потребностями в условиях, максимально приближенных к природным, позволяет последним минимизировать трудности, с которыми они ежедневно сталкиваются, находясь в обычном, особенно урбанизированном социуме, и тем самым значительно улучшить качество своей жизни.

Несмотря на широкое распространение social farming в странах Европы [12], исследований, посвященных потенциалу такого рода практик, связанных с неформальной социально-экономической и экологической деятельностью сельских домохозяйств, использующих инновационные подходы и технологические приемы, крайне мало. В качестве примера изучения некоторых практик social farming на территории Евросоюза можно привести работу авторского коллектива «Social Farming in the Promotion of Social-Ecological Sustainability in Rural and Periurban Areas» [13], представляющую результаты исследования ключевых элементов социально-экологических систем в рамках social farming.

Авторы статьи, ссылаясь на данные отчета Европейской комиссии за 2013 год [14], констатируют, что сельские районы занимают более 52% территории Европейского союза,

на которой проживает около 23% его населения. Из-за депопуляции, старения сельских общин и размещения части сельского населения в труднодоступных районах, в которых возникают сложности с организацией эффективных услуг для местных жителей, сельские территории оказались особенно уязвимы к сокращению господдержки в результате растущего дефицита государственных ресурсов, образовавшегося после финансового кризиса 2007-2008 годов в ряде стран Средиземноморья, таких как Греция, Португалия и Италия. Поэтому сельским регионам для создания в них жизнеспособных и устойчивых условий необходимо использовать инновационные сельскохозяйственные практики, охватывающие предоставление экосистемных услуг, получая предусмотренные льготы. При этом сельские регионы Средиземноморья, по мнению авторов, следует рассматривать в качестве своеобразных агроэкосистем.

Авторы разделяют мнение, что, с экономической точки зрения большинство экосистемных услуг, предоставляемых с использованием природных ландшафтов, имеют общественно-полезный характер, т.е. являются доступными (неконкурентными), и могут быть в совместном пользовании всех его членов без исключения. В то же время они не могут являться объектами рыночных отношений, поэтому остаются в неформальной зоне для учреждений, регулирующих и поддерживающих их использование. Однако современные изменения и использовании земли привели к потере или отказу от большинства неформальных экосистемных услуг, особенно тех, чтоучаствуют в регулировании экологических процессов, связанных с культурой и местной идентичностью (культурные экосистемные услуги). Так, интенсификация сельского хозяйства в наиболее производительных его сферах способствовала максимальному увеличению экосистемных услуг в производстве экологически чистых продуктов питания по рыночным ценам. Такая трансформация угрожает устойчивости природных ландшафтов и ограничивает возможности агроэкосистемы, поэтому эти блага уже не могут рассматриваться как общедоступные.

Авторы считают, что устойчивым социально-экологическим системам, в зависимости от масштабов управления экосистемными услугами, требуются различные институты: от неформальных до правовых и рыночных. Например, опыт применения практик social farming в садоводстве показывает, что в домашних садах, управляемых сообществом, чувство принадлежности человека к последнему может выступать в качестве стимула для сохранения природных ландшафтов, как образа жизни, поддерживающего его культурную идентичность. Вместе с тем, по мнению авторов, институциональное разнообразие могло бы также помочь в разрешении социальных конфликтов, связанных с доступом к экосистемным услугам, и таким образом содействовать социальной справедливости, партнер-

ству, участию заинтересованных сторон, принятию более социально обоснованных решений и созданию стимулов к охране окружающей среды. Опыт применения практик social farming в сфере предоставления экосистемных услуг способствует созданию новых сетевых сообществ, а также налаживанию контактов между городскими и сельскими жителями.

К опосредованным бенефициарам, заинтересованным в использовании social farming в сфере экосистемных услуг, авторы относят и фермеров, поскольку они могут, используя свой авторитет и привлекая внимание к своей деятельности, создавать новые сетевые потребительские сообщества, короткие снабженческо-потребительские цепочки, мобилизовать больше заинтересованных сторон к сельскохозяйственной деятельности и повышать имидж сельского хозяйства в обществе. Все перечисленные возможности не только увеличивают полномочия фермеров, позволяя им иметь право голоса при планировании, но также привлекают их к общественной деятельности. Кроме этого, практики social farming помогают улучшить экономический статус фермеров через диверсификацию источников их доходов: участие фермеров обеспечивает им неоценимую выгоду, с точки зрения повышения их репутации и признания их продуктов на продовольственном рынке [15].

В странах послевоенной Европы эволюция social farming проходила по-разному из-за различий в культуре, организации услуг в области здравоохранения, социальной сферы, образования, и определялась структурой и степенью развитости систем ведения сельского хозяйства. Так, в Германии первые учреждения social farming были созданы в начале XIX века, а в Нидерландах практики social farming появились только 15 лет назад, но уже сейчас там насчитывается около 800 social farms. В 1960-е годы с усилением глобализации сельскохозяйственного рынка деятельность учреждений social farming была ограничена, в частности, из-за значительного падения цен на продовольственные товары. С начала 1980-х по 1990-е годы, когда повысился уровень информированности населения о производстве продовольствия и его воздействии на окружающую среду, постепенно начал возобновляться и интерес как к сельскохозяйственной деятельности, так и к social farming, последняя стала возвращать утраченные ранее позиции. В конце века к развитию social farming подключилась Словения. К европейским странам с хорошо развитыми системами social farming авторы относят Соединенное Королевство – около 200 social farms, Финляндию – почти 500 и Норвегию – 800.

К основным преимуществам реализации практик social farming относят [15]:

- Создание и сохранение рабочих мест в сельской местности для людей, находящихся в неблагоприятном положении на рынке труда, для предотвращения оттока населения из сельских регионов.
- Расширение возможностей по предоставлению сельскому населению социальных услуг, оказывающих поддержку в повышении личной мотивации, общественной и профессиональной реабилитации посредством сельскохозяйственной деятельности.
- Повышение эффективности широкого спектра мероприятий по оказанию социальной помощи и поддержки обездоленным людям из разных целевых групп. Деятельность такого рода фокусируется на людях и их конкретных потребностях, и чаще всего инициируется членами их семей, привносящими профессиональную социальную работу, уход и поддержку в сельскую местность, и одновременно легитимирующими этот «неформальный уход» и, таким образом, способствующими развитию своих сообществ.
- Создание преимуществ для потребителей. Сельскохозяйственное производство или работа на ферме включают проведение мероприятий, связанных с природными суточными и сезонными ритмами, определенные обязательства и принятие профессиональной ответственности. В ходе такого рода мероприятий человек увеличивает самооценку и самоуважение — качества, которые развиваются при контакте с растениями и уходе за животными, пробуждающем в нем интерес и радость. Неформальные отношения с коллегами и другими клиентами, установленные в процессе сельскохозяйственной деятельности, способствуют развитию социальных навыков и интеграции.
- Обеспечение небольших организаций дополнительными источниками дохода, необходимого им для поддержания своей экономической стабильности и развития. Такие доходы могут поступать этим организациям от реализации продуктов их производства, оказанных ими услугах или проведенных образовательных мероприятий.
- Получение нефинансовых бонусов, в качестве таковых выступают вновь созданные устойчивые взаимосвязи между фермерскими организациями, социальными службами и образовательными учреждениями, лежащие в основе развития на уровне местных общин. Они также стимулируют социальную ответственность и улучшают связи между разными группами внутри социума, посредством демонстрации позитивных примеров по уходу и предоставлению услуг обездоленным слоям населения.
- Получение экологических выгод в результате сознательного принятия природосберегающих подходов, оказывающих положительное влияние на ландшафт и биологическое разнообразие сельских районов и одновременно снижающих негативное воздей-

ствие от интенсивного применения сельскохозяйственным производством химических веществ и синтетических удобрений.

Глобальный тренд экологизации производства высокоразвитых стран в XXI веке охватывает все новые и новые пространства в развивающихся государствах. Изначально эта тенденция затронула более «грязные» отрасли промышленности, но постепенно охватила и относительно «безопасные» производства, в том числе сельское хозяйство. И если в высокоразвитых странах экологические практики предлагаются и внедряются самими фермерами, то бедные государства пока не ставят перед собой задачу повышения экологичности своего агропромышленного комплекса. Соответственно, экологические практики на постсоветском пространстве носят очаговый характер и находятся на стадии зарождения. Кроме того, аналитические попытки рассмотрения новаторства сельских жителей в плане внедрения экологических практик предпринимались в рамках целого ряда междисциплинарных исследований, однако такие работы лишь частично захватывают экологический аспект, изучая проблемы социально-экономического развития или пространственные закономерности.

В последние десятилетия на постсоветском пространстве происходят фундаментальные изменения сельских территорий. Смена планового метода экономического развития рыночным ставит сельских жителей перед новыми вызовами, а неспособность справиться с экономическими трудностями в деревне способствуют стремительной урбанизации и оттоку сельских жителей в города. Однако существуют примеры как сильной депопуляции, так и обратного процесса – роста населения сельских территорий. В первом случае лидерами являются наиболее экономически успешные постсоветские государства – Россия, Казахстан, Узбекистан и др., отстающими – страны с нестабильной социально-экономической ситуацией (Украина, Молдавия и Таджикистан), где численность сельского населения сокращается медленно, а в некоторые периоды даже наблюдается его рост. В целом наблюдается зависимость уровня экономического развития и восприимчивости глобальных трендов (урбанизации, экологизации производства): чем выше уровень экономического развития, тем динамичнее растет доля городского населения, и наоборот. Немаловажны и природно-климатические факторы, которыми плановая экономика СССР пренебрегала, в результате чего уже в первые постсоветские годы сельская местность столкнулась со множеством институциональных, социально-экономических и иных проблем, а определять выбор пути развития деревни стали трудности перестройки и адаптации сельской экономики.

Рыночная система привела к стагнации сельских территорий из-за «громоздкости» коллективных хозяйств: невозможность сохранения равномерной сети колхозов и совхозов без государственной поддержки ускорила темпы депопуляции сельских территорий. Наиболее пострадали от демонтажа колхозов северные неплодородные территории Российской Федерации, засушливые степные районы Казахстана и пустынные земли среднеазиатских республик. Плодородные районы юга России, Украины, Молдавии и Узбекистана, наоборот, увеличивали численность населения из-за рентабельности сельскохозяйственной деятельности. Исключением из этих двух полярных сценариев стали сельские территории Белоруссии, где благодаря планомерной государственной поддержке была сохранена коллективная система хозяйствования, что несколько сдерживает убыль населения деревни, однако белорусская модель неэффективна в рыночных условиях. Без привлечения инвестиций в сельскую экономику невозможны расширение производственных мощностей и их модернизация, необходимые для минимизации дотационной нагрузки на государственный бюджет.

Депопуляция российского Нечерноземья, исчезающие деревни – одно из ключевых оснований критики властей оппозиционными кругами. Действительно, резкий отток и старение сельского населения делают невозможным предпринимательство на сельских территориях, поэтому изыскиваются способы преодоления «низкой базы». Один из основных – организация фермерских хозяйств, но широкого распространения они не получили и заместить коллективные хозяйства не смогли. Выходом из сложной экономической ситуации стала организация крупных сельскохозяйственных холдингов, которые владеют огромными площадями земельных угодий и животноводческими комплексами, выполняя весь спектр сельскохозяйственной деятельности – от выращивания зерновых культур до производства готовой продукции животноводства (например, молочных изделий). Но развитие агрохолдингов оказывает воздействие лишь на макроэкономическом уровне, поскольку все налоговые поступления получают бюджеты городов, где расположены штаб-квартиры компаний, а сельские территории остаются в стороне от финансовых потоков.

Кроме фермерского движения и агрохолдингов в сельской местности в начале 2010-х годов наметился тренд на создание «экологических поселений» – эта новая практика для российских сельских территорий пришла из западноевропейских государств и предполагает переезд обеспеченных горожан-фрилансеров, уставших от бурной городской жизни, в сельскую местность, в том числе для занятий сельскохозяйственной деятельностью. Основными территориями распространения экопоселений стали районы, тяготеющие к Москве и Московской области, из-за относительно дешевой стоимости земли и раз-

витости инфраструктуры. Эту категорию бывших горожан принято называть дауншифтерами – это люди разных убеждений, желающие возрождать исчезающую деревню. Самым распространенным и многочисленным является движение «Звенящие кедры России» (анастасийцы) – последователи экологической философии В. Мегрэ [16], которые создали около двухсот экопоселений на территории Европейской России, состоящих из «родовых поместий», хотя их поселения встречаются и в Ясногорском районе Тульской области [17]. Конечно, встречаются и одиночные дауншифтеры, которые переехали из города в сельскую местность, активно занимаются сельскохозяйственной деятельностью и являются, по сути, фермерами. Они выращивают скот, перерабатывают получаемое сырье и производят «экологически чистую» продукцию премиум-класса, реализуемую в Москве среди обеспеченных горожан. Но мир дауншифтеров, как правило, существует параллельно сельскому миру, не соприкасаясь с ним.

Еще один вид экологического развития сельских территорий Нечерноземья – сельский туризм, различные инновационные рекреационные объекты (гостиницы-теплицы, «живые» апартаменты и др.), построенные в сельской местности и использующие ее потенциал для получения прибыли. При подобных учреждениях создаются мини-предприятия по производству собственной сельскохозяйственной продукции (сыр, овощи, молочные продукты), и такие предприниматели инвестируют средства в поддержание транспортной инфраструктуры сельских территорий, в развитии которой заинтересованы.

Что касается экологизации сельских домохозяйств, то этот процесс зависит от особенностей территорий – природно-климатических барьеров, качества населения (маргинализация, старение), заинтересованности сельских жителей в развитии личных подсобных хозяйств. Более благоприятными районами для внедрения экологических практик являются южные (черноземные) регионы России, где они способствуют повышению урожайности и качества урожая: происходит медленный переход к более эффективным и рациональным методам обработки и мелиорации земель (капельное орошение), минимизации использования пестицидов и антибиотических препаратов и экологичной автоматизированной технике.

Глобальный экологический тренд медленно продвигается на восток, затрагивая территории бывших республик СССР, но степень восприимчивости к новаторским практикам варьирует в зависимости от базовых условий и специфических черт регионов даже внутри государств. Наименее восприимчивы к идее зеленой экономики этнические традиционно аграрные регионы России (регионы Северного Кавказа, Калмыкия, Тыва и др.), Молдавия, Армения, Азербайджан, Казахстан и среднеазиатские республики, где сильны

архаичные малоэффективные практики ведения сельского хозяйства. Домохозяйства в этих регионах слабо механизированы и примитивны, что приводит к нерациональному использованию природных ресурсов, экологическим бедствиям и низкой прибыли от сбыта сельскохозяйственной продукции. Наиболее очевидная проблема архаичности сельскохозяйственной деятельности – ситуация с Аральским морем: сельские жители бассейнов рек Амударьи и Сырдарьи из-за нерационального использования водных ресурсов через арычные системы забирают большое количество воды, что привело к пересыханию Аральского моря. Неспособность межгосударственного регулирования забора воды породила экологическую катастрофу в районах пересохшего моря – в пустыне Аралкум [18].

Пример следования модным экологическим практикам – домашние экономики Украины, Южной и Центральной России, более гибкие благодаря высокоурожайному сельскому хозяйству. Желание диверсифицировать собственное личное подсобное хозяйство, подкрепленное высокой восприимчивостью к изменениям, способствует расширению использования всего спектра возможностей той или иной территории. Курс на рациональное использование, непопулярный в советское время, оказывается эффективен для получения высокой прибыли благодаря росту урожайности и отказу от ручного труда. Однако удорожание энергетических ресурсов для украинских сельских жителей заставляет искать альтернативные источники энергии для обеспечения домашней экономики. Использование возобновляемых источников энергии становится способом удешевления издержек крестьянских хозяйств, и наибольшее распространение в сельской местности Украины получили солнечные панели, ветровые и биоэнергетические установки. Однако их доля в обеспечении энергией домохозяйств мала и не превышает 2% от общего числа потребителей энергоресурсов. Тем не менее, в целом на постсоветском пространстве тренд на экологизацию домашней экономики крестьянства в связи с повышением уровня жизни населения в сельской местности еще не ярко выражен, а в некоторых районах и вовсе неощутим из-за разных барьеров. Кроме того, неформальный сектор экономики, разросшийся в 1990-е годы, все еще непонятен для правительств большинства стран СНГ и юридически не вполне оформлен, что не способствует легализации домашней экономики и инвестиционной поддержке экоориентированным сельским жителям.

Потенциально Украина является инвестиционно привлекательной страной, поскольку имеет значительное количество неиспользуемых природных и человеческих ресурсов, большие резервы неиспользованных сбережений, емкий внутренний потребительский рынок. Более того, судя по реальному поступлению инвестиций в украинскую экономику, Украина претендует на лидерство по объему привлеченных инвестиций в Цен-

тральной и Восточной Европы: с 2006 до 2017 годы Украина занимала десятое место как по количеству инвестиционных проектов (178), так и по количеству созданных рабочих мест (7487). Согласно информации Национального банка Украины (НБУ) и Государственной службы статистики Украины, темпы прироста прямых иностранных инвестиций в страну по состоянию на конец 2017 составляют 44,5% [19]. В 2018 году прогнозируется прирост прямых иностранных инвестиций на 40% (до 5,810 миллиарда долларов США), что связано прежде всего с нынешними реформами и улучшением инвестиционного климата. Возможности для прямых иностранных инвестиций появятся благодаря использованию потенциала Украины в области производства, предоставления услуг и растущего потенциала в сфере аутсорсинга бизнес-процессов. По данным Службы статистики Украины, за период с 2015 по 2017 годы объем капитальных инвестиций в агропромышленный комплекс выросли более чем в два раза.

Иностранный инвестор пока опасается активно вкладываться в аграрный бизнес, а банковское кредитование не может предложить условия и объемы, которые отвечают потребностям сельского хозяйства. Евро-Рейтинг считает, что положительные изменения могут произойти уже в начале следующего года при условии решения вопроса о свободном обороте земли. В этом случае в сельское хозяйство и сопутствующие отрасли переработки должны поступить значительные капиталы как украинских, так и иностранных инвесторов. Промедление же с открытием рынка земли создает искусственный инвестиционный голод, который будет препятствовать развитию агропромышленного комплекса Украины [20]. Увеличение инвестиционной привлекательности крупных и средних производителей напрямую влияет на уровень развития личных подсобных хозяйств. Подъем фермерских хозяйств и холдинговых компаний снижает заинтересованность сельских жителей в поддержании личных подсобных хозяйств из-за нерентабельности их продукции по сравнению с товарами крупных игроков аграрного рынка. Однако из-за инвестиционного голода доля домохозяйств в производстве продукции животноводства велика, в растениеводстве лидерство делят холдинги и фермерские хозяйства, арендующие большие площади пахотных земель.

В XXI век Украина вступила как государство, нестабильное в социально-экономическом плане, но обладающее множеством перспектив, в том числе в развитии агропромышленного комплекса. После подписания 3 декабря 1999 года Президентом Украины Л.Д. Кучмой указа «О неотложных мерах по ускорению реформирования аграрного сектора экономики» коллективные хозяйства были преобразованы в сельскохозяйственные предприятия кооперативного типа [21]. Фактически кооперативы не работали,

существуя лишь в нормативно-правовых актах, поскольку к моменту выхода указа колхозы были уже нежизнеспособны: поголовье скота и парк сельскохозяйственной техники распроданы, объекты производственных мощностей разорены. Поэтому эффект от реформы был минимальным и обеспечивал лишь право крестьян на получение земельных паев из фондов колхозов, в которых они были заняты до середины 1990-х годов. Предприниматели, желавшие заниматься сельским хозяйством и имевшие первоначальный капитал, арендовали земельные паи крестьян, не способных их обрабатывать, за символическую плату. По принципу частной собственности создавались фермерские хозяйства, которые с течением времени расширялись, наращивая площади и производственные мощности. Крестьянские фермерские хозяйства стали основными получателями финансовой помощи от государства и пользователями системы кредитования разных фондов, поскольку имели достаточное количество залогового имущества. Они, по сути, стали основным источником поддержки инфраструктуры сельской местности на фоне бедных и бесправных сельских администраций. Но относительная доля фермеров была очень мала в общей численности населения сельских территорий. Многие из бывших колхозников, наблюдая за распадом колхозных гигантов-миллионеров, выбирали более высокооплачиваемую работу в городах [22].

Развитие новых практик в домохозяйствах сельских территорий Украины связано с заинтересованностью иностранных инвесторов вкладывать средства в плодородные территории. И, несмотря на социально-экономические трудности государства, наблюдается стабильное развитие личных подсобных хозяйств как основных поставщиков сельскохозяйственной продукции. Наличие сильной хаотичной сети домохозяйств-производителей сельскохозяйственной продукции связано с рядом факторов: высокий уровень безработицы; рентабельность ЛПХ; благоприятные природно-климатические условия большинства украинских регионов; наличие фондов помощи частному предпринимательству в сельской местности; инвестиции в агропромышленный комплекс Украины со стороны международных организаций. Важность личных подсобных хозяйств для производства сельскохозяйственной продукции значительна, поскольку большая его часть сосредоточена на базе домашней экономики: ее представители производили более половины всего объема продукции животноводства (мяса и молока). Но домохозяйства столкнулись с рядом факторов, которые ограничивали их деятельность или делали ее невозможной. К наиболее очевидным можно отнести отсутствие программ помощи и налоговых каникул для крестьянских хозяйств, ликвидация коллективных хозяйств (основного источника кормовой базы), деградация пастбищ вследствие нерационального их использования (невозможность вы-

паса скота), отсутствие кооперации и рынков сбыта, и домохозяйства должны были искать возможности их преодоления.

Основными причинами внедрения зеленой экономики в сельской местности является рациональное использование водных ресурсов (применение технологий капельного орошения), выращивание засухоустойчивых сортов растений, развитие возобновляемых источников энергии, минимизация использования средств борьбы с сорными травами и др. Для Украины экологическим лобби стали международные организации европейского или глобального масштаба – Международный фонд сельскохозяйственного развития (IFAD), фонды Программы реконструкции и развития регионов Украины, программы развития Организации объединенных наций (ООН) и другие инвестиционные и кредитные организации. В сфере зеленой экономики доминирует программа «EaP GREEN» – Экологизация экономики в странах Восточного партнерства. Цель программы – переход стран Восточного партнерства (ВП) на зеленую модель развития и ведение бизнеса через разграничение экономического роста и деградации окружающей среды и истощения ресурсов [23]. В программе могут принимать участие и инициативные производители сельскохозяйственной продукции – фермерские хозяйства и домохозяйства, желающие повысить эффективность собственного дела и экологичность продукции. Для Украины актуальны идеи зеленой экономики, поскольку нерациональное природопользование вследствие разрастания неформального сектора экономики привело к изменению биоценозов на больших площадях, используемых в сельском хозяйстве. В южных регионах были уничтожены сотни гектаров лугов из-за неконтролируемого использования в качестве пастбищ для выпаса мелкого рогатого скота (в частности, овец). Произошло засоление полей, деградация почвенного покрова и обеднение растительности территорий, которые нуждаются в восстановлении плодородия для введения в севооборот.

У экологических практик в домохозяйствах Украины есть перспективы благодаря поддержке государства и международных инвестиционных фондов, заинтересованных в повышении устойчивости экономики и рациональном использовании природных ресурсов. Но отсутствие эко-ориентированного спроса в больших городах и неформальность домашней экономики крестьянства не способствует выбору сельскими жителями новых методов ведения хозяйства. На Украине есть примеры применения зеленых технологий в фермерских хозяйствах, поддерживаемых международными инвестиционными фондами. Так, в вододефицитных хозяйствах поселка Серогозы Херсонской области применяется система капельного орошения, которая помогает уменьшить расход воды, поставляемой в безводные херсонские степи через Краснознаменский водный канал. Использование тех-

нологий рационального использования ресурсов требует применения установок регенерации солнечной энергии, позволяющих минимизировать ресурсозависимость фермерских хозяйств и снизить издержки сельскохозяйственного производства. Оторванные от коммуникаций поселения Прикарпатья, развивающие сельский туризм в горных районах Ивано-Франковской области, позволяют оживить районы традиционного расселения гуцулов. Энергетическая ограниченность хозяйств села Дземброня Ивано-Франсковской области в настоящее время решается применением источников возобновляемой энергии: микрогидроэлектростанции и солнечные электростанции позволили расширить производство традиционной гуцульской сельскохозяйственной продукции (кисломолочных продуктов, сыров и пр.) [24].

Таким образом, в XXI веке постсоветская сельская местность постепенно выходит из затяжной стагнации после распада СССР и демонтажа системы коллективных хозяйств. Территории с высокоразвитым сельским хозяйством и относительно высоким уровнем жизни (южные регионы России и Украины) более восприимчивы к внедрению идей зеленой экономики, разумного отношения к окружающей среде, рационального использования природных ресурсов и производства экологически чистой продукции. Барьерами для экологизации домашней экономики постсоветских государств являются: отсутствие экоориентированного спроса у городского населения (за исключением Москвы); низкий уровень жизни населения сельских территорий; институциональные и бюрократические барьеры; архаичность сельскохозяйственной деятельностью; отсутствие планомерной финансовой поддержки со стороны государства и международных инвестиционных организаций, заинтересованных в продвижении идей зеленой экономики и др. Эти и другие препятствия осложняют и замедляют экологическое развитие домохозяйств, что усиливает кризис нерационального использования природно-ресурсного потенциала (деградация почв, низкая урожайность, водный дефицит и прочие трудностям). Как показывает опыт западноевропейских государств, экологические хозяйства отличаются устойчивостью к глобальным финансовым кризисам и экономическим потрясениям из-за автономности в области энергетического и ресурсного обеспечения. Кроме того, зеленая экономика в перспективе способна возродить депопулирующую сельскую местность в качественном отношении [25].

3 БАЗОВЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И АГРОНОМИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКИХ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

К основным экономическим элементам неформальной экономики российских сельских домохозяйств целесообразно отнести: производство сельскохозяйственной продукции для потребления внутри домохозяйства; неоплачиваемый труд членов домохозяйства (членов семьи); производство сельскохозяйственной продукции, других товаров и услуг для продажи или получения натуральных форм вознаграждения, без юридического оформления договоренностей; небольшой объем производственной базы; небольшой объем стартового и оборотного капитала; небольшой масштаб операций, связанных с продажей продукции, товаров и услуг, осуществляемых без юридического оформления договоренностей. Базовые социальные элементы неформальной экономики российских сельских домохозяйств – это неформальные требования к профессиональной квалификации, образованию и навыкам работников; взаимодействие и взаимная поддержка домохозяйств без юридического оформления договоренностей; не декларированная зависимость от мнения сельского социума. Агрономические компоненты неформальной экономики – упрощенная структура выращиваемых культур и минимизация агротехнических мероприятий, связанных с выращиванием, уходом и уборкой сельскохозяйственных культур.

Как и прежде, производство сельскохозяйственной продукции для собственного потребления домохозяйства является традиционным и наиболее распространенным видом неформальной хозяйственной деятельности в сельских поселениях. В российской истории этот элемент неформальной экономики назывался по-разному: личное подсобное хозяйство (ЛПХ), подсобное хозяйство, хозяйства населения. Основной целью этого вида деятельности домохозяйств является выживание в новых российских реалиях, к которым сельские домохозяйства, в значительной степени сохранившие советские колхозные традиции, оказались практически не готовы. Если в советский период эти домохозяйства были частью экономики формального сектора колхозов и совхозов, то на сегодняшний день от этой почти тотальной зависимости уцелели лишь некие формальные процедуры, носящие скорее ритуальный, чем значимый для статистического учета, характер. Сюда, например, относится регистрация площади подсобного хозяйства для начисления земельного налога, ежегодный учет поголовья скота, птицы ил произведенной хозяйствами сельскохозяйственной продукции, позволяющий осуществлять ветеринарный контроль. Формальность процедуры налицо: поскольку ветеринарный контроль требует финансовых за-

трат со стороны домохозяйств (например, на вакцинацию животных), предусмотрительные хозяева стараются при опросах занизить численность поголовья или вообще его не указывать. И это своего рода экономическая отвага: так как эти хозяйства формально не регистрируются как производственные единицы или юридические лица, то и все риски, связанные с потерей урожая, поголовья животных, птиц или живности, они самоотверженно берут на себя.

Вместе с тем домохозяйства, занимающиеся производством сельскохозяйственной продукции для собственного потребления, как правило, ограничены в финансовом плане, поэтому вынуждены максимально использовать собственный труд и местные ресурсы, что, в свою очередь, усиливает их зависимость от последних и увеличивает риски, связанные с нехваткой продукции. Чтобы уменьшить такую зависимость, домохозяйства, работающие в основном ради пропитания себя и ближайшей (часто городской) родни, стараются увеличить площадь огородов за счет повторного освоения (вспашка, боронование, удабривание и пр.) участков соседей, уехавших, например, на заработки. Последние охотно препоручают свою приусадебную парцеллу во временное безвозмездное пользование – «лишь бы за землей был уход». Однако домохозяйства, занимающиеся производством сельскохозяйственной продукции для собственного потребления, не могут себе позволить привлечение наемной рабочей силы – это дорого и нервно, поэтому в основном используют неоплачиваемый труд членов семьи. Если такое хозяйство вынуждено еще и оказывать помощь родственникам и близким, то последние, по возможности, тоже принимают участие в хозяйственных работах. Этот вид занятости отличается от формальной не только ненормированным изматывающим рабочим днем, отсутствием отпуска и социальных гарантий, но и тем, что здесь максимизируется труд всех членов семьи, включая детей, женщин и пожилых людей. Неудивительно, что в этих хозяйствах при высокой производственной нагрузке на каждого члена семьи наблюдается низкая средняя производительность труда. Зачастую из-за финансовых ограничений они не могут себе позволить даже минимальную механизацию труда.

В большинстве семейных «выживающих» домохозяйств, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции для собственного потребления и имеющих несовершеннолетних детей, один или несколько членов семьи вынуждены систематически работать за пределами хозяйства, поэтому основная производственная нагрузка ложится на оставшихся членов семьи – детей, женщин или пожилых родителей. С одной стороны, в домохозяйствах увеличивается доля оплачиваемой занятости (формальной или нефор-

мальной), с другой стороны, усугубляются условия неоплачиваемого труда оставшихся членов семьи.

Часть сельских домохозяйств, особенно в регионах с интенсивным развитием сельского хозяйства (Кубань, Ставрополье, Белгородская и Липецкая области), целенаправленно занимается производством сельскохозяйственной продукции для реализации на рынке. У таких домохозяйств, как правило, имеется небольшой стартовый или оборотный капитал, позволяющий содержать технику для производства продукции и транспортные средства для ее реализации. Они также могут осуществлять наем работников без юридического оформления и оплачивать их труд как в денежной, так и в натуральной форме – собственной продукцией. В регионах с экстенсивным развитием сельского хозяйства население ограничено в денежных средствах, поэтому домохозяйства в большинстве своем вынуждены вместо продажи обмениваться произведенной продукцией, а в случае найма работников их оплата почти всегда осуществляется этой продукцией.

Иногда домохозяйства занимаются производством товаров и услуг, не связанных с сельским хозяйством, – их можно отнести к самозанятым. Такой труд, как и в сельскохозяйственном секторе, нормативно не регулируется и не защищается. Здесь также в зависимости от финансовой состоятельности региона возможны разные формы получения вознаграждения – как денежные, так и натуральные. Это могут быть домашние мастерские по пошиву и ремонту одежды, производству и починке хозяйственной и домашней утвари и мебели, парикмахерские на дому и т.п. Для таких работ и услуг домохозяйствам требуется минимальный объем стартового и оборотного капитала, в качестве мастерских используются подсобные помещения, а для приема посетителей – свободные площади дома. Этот частный сектор по масштабу занимает небольшой объем в сельской неформальной экономике, поскольку для работы в нем нужны определенный уровень профессиональной квалификации и соответствующие навыки и опыт, которые практически невозможно получить, постоянно проживая в одном селе. Такими компетенциями, как правило, обладают жители сел, которые раньше проживали в городе, учились там соответствующим специальностям и наработали определенный опыт, а потом переехали из города на постоянное местожительство в село, или сельчане, уезжавшие в город для обучения и возвратившиеся обратно.

К числу базовых социальных элементов неформальной экономики сельских домохозяйств можно отнести отсутствие формальных требований к профессиональной квалификации, образованию и навыкам занятых в них работников. Практически в каждом домохозяйстве при желании любой работник может найти себе подходящую работу в соответ-

ствии со своим возрастом, образованием или квалификацией. Такая легкость входа в неформальную экономику создает видимость ее неразборчивости и маргинальности, подходящей разве что для периферии, до которой современному формальному сектору, ориентированному на рыночный путь развития с его высоким порогом входа в бизнес, нет никакого дела. Однако это не совсем так, поскольку сельские домохозяйства находят собственные источники не только для выживания, но и ведения небольшого бизнеса. Неформальная экономика сельских домохозяйств, в отличие от формальной, обладает большей маневренностью в кризисные периоды и способна при минимуме издержек удовлетворить спрос достаточно широкого круга потребителей на недорогие качественные товары и услуги. К тому же эта экономика более отзывчива к изменениям природной среды, чем, например, агрохолдинги, и не оказывает такого сильного, как они, воздействия на экосистемы регионов.

Сельские домохозяйства постоянно взаимодействует с элементами формальной экономики, используя в своей деятельности рыночную, транспортную и другие виды инфраструктуры, технологии, оборудование и инструменты, образование, профессиональные квалификации и знания своих работников, полученные в институциональных структурах. Работники, получившие навыки и опыт в неформальной деятельности, успешно их используют при переходе в формальные производственные структуры.

Другим элементом неформальной экономики, существенно отличающим ее от формальной, является взаимодействие и взаимная поддержка домохозяйств без оформления договоренностей. Такое взаимодействие характерно не только для соседних домохозяйств одного поселения, но и – благодаря развитию Интернет-коммуникаций – для домохозяйств, расположенных в разных районах и регионах. В Интернет-сообществах члены домохозяйств делятся своим опытом, технологиями, изобретениями и ноу-хау, совместно решают возникшие хозяйственные проблемы, ищут партнеров по бизнесу, потенциальных покупателей своей продукции, рекламируют ее, организуют совместные ярмарки-продажи. Сельские домохозяйства даже ведут на YouTube-канале видеоблоги, а некоторым удается с помощью них неплохо зарабатывать, пополняя свой хозяйственный бюджет. Впрочем, сельские сообщества, как правило, осуществляют негласный контроль за своими членами. Общественное мнение сельского социума может испортить жизнь домохозяйств и даже разорить их бизнес, поэтому сегодня наблюдается и тенденция минимизации внутрипоселенческих взаимодействий. Можно сказать, что жизнедеятельность все большего числа сельских домохозяйств переходит из реального социального пространства

в цифровое, и особенно преуспевают в этом бывшие горожане, перебравшиеся на постоянное местожительство в сельскую местность.

Среди базовых агрономических элементов неформальной экономики сельских домохозяйств можно выделить упрощенную структуру хозяйственной деятельности на приусадебных участках и минимизацию агротехнических мероприятий, связанных с их выращиванием, уходом и уборкой. Сегодня у сельских домохозяйств значительно больше проблем, чем, например, десять лет назад: банки практически перестали выдавать им не только залоговые, но и потребительские кредиты под любые проценты, а дефицит свободных денежных средств ограничивает возможности приобретения семенного материала, удобрений и средств ухода за растениями. Поэтому большинство домохозяйств стараются выращивать на приусадебных участках самые необходимые для выживания семьи культуры, минимизируя издержки агротехнических мероприятий, связанных с их выращиванием и уходом. Это традиционные для российских сельских хозяйств культуры (картофель, морковь, свекла, капуста, томаты и огурцы), которые сельские жители раньше, как правило, выращивали из собственных семян, теперь же с появлением на рынке гибридных семян традиционный семенной фонд сельских домохозяйств практически утрачен.

Вместе с тем жесткий режим экономии повлиял и на использование сельскими домохозяйствами водных, почвенных и других ресурсов. Например, они стали чаще применять современные агротехнические мероприятия, направленные на поддержание оптимального для растений водного баланса почв (капельный полив, мульчирование почв и т. п.), разнообразные почвозащитные приемы (обвалование, противоэрозионные обработка и т. д.), способы органического земледелия (чередование культур на одном и том же участке, совместное выращивание разных культур, внесение компоста, биогумуса и др.), биологические приемы защиты растений от вредителей (разведение цесарок, шмелей, божьих коровок) и т.д.

Рассмотрим все перечисленные элементы неформальной экономики в контексте агроэкологической проблематики на примере Республики Крым. Ее сельское хозяйство является одной из основных отраслей специализации региона, чему способствуют относительно благоприятные природно-климатические условия степной зоны Крымского полуострова, которая занимает около $^{2}/_{3}$ площади. После вхождения Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году в условиях секторальных санкций, введенных в отношении организаций странами Запада, осуществляющих деятельность в регионе, экономика полуострова испытывает большую финансовую нагрузку. В рамках Доктрины продовольственной безопасности, перед руководством Республики стоит задача обеспечить функци-

онирование основных агропромышленных отраслей на максимально высоком уровне, чтобы производство продовольствия в регионе полностью покрывало его потребности. Однако даже с использованием «беспрецедентных» в истории Крыма трансфертов из федерального бюджета не удается существенно увеличить производство сельскохозяйственной продукции. Сдерживающими факторами выступает неэффективная работа аппарата чиновников всех уровней и отсутствие стратегии планомерной помощи основным сельскохозяйственным производителям – крестьянским фермерским хозяйствам. Двадцатилетие катастрофического недофинансирования в украинский период сформировало деструктивные коррупционные схемы перераспределения средств государственной поддержки между хозяйствами.

Колхозно-совхозная система Крымского полуострова в советский период была достаточно эффективной. Индикатором эффективности выступает число предприятий, чья чистая прибыль в год составляла более 2 млн. рублей СССР. В 1990 году к ним относилось абсолютное большинство колхозов и совхозов региона. Но после распада СССР успешные коллективные хозяйство моментально стали экономическими аутсайдерами и банкротами. На это повлияли следующие причины: невозможность сворачивания нерентабельных отраслей сельскохозяйственного производства; нерациональное использование природно-ресурсного потенциала сельских территорий; отсутствие конкуренции; зависимость от трансфертов и дотаций государства; неспособность восприятия инноваций и экономических преобразований; замкнутость экономических связей (отсутствие альтернативных рынков сбыта); уязвимость перед стихийными бедствиями. К 2000 году все коллективные хозяйства и совхозы были преобразованы в сельскохозяйственные производственные кооперативы, которые существовали лишь на бумаге, поскольку их земельные и имущественные фонды были «распаеваны» между работниками. Оформленное кооперативное движение было фальшивой декорацией, имитирующей модернизированную колхозную систему рыночного типа.

Ликвидация колхозов предоставило возможность личным подсобным хозяйствам занять главенствующее положение в сельскохозяйственной отрасли. Для обработки угодий и занятия растениеводством обязательным условием являлось наличие собственной техники, которую смогли сконцентрировать в своих руках лишь единицы, поэтому животноводство, не требующего особого технического оснащения, стало оптимальным занятием. Профицит трудовых ресурсов, невостребованных из-за тотальной безработицы в сельской местности в 1990-е годы, позволил содержать большое поголовье крупного и мелкого рогатого скота (в основном, коров и овец). Нестабильная социально-

экономическая ситуация вынудила выбирать данную стратегию преодоления бедности, гипертрофировав численность населения, вовлеченного в животноводство. Потому уже в начале 2000-х годов, после стабилизации экономического развития, животноводческая фракция в ЛПХ стала сжиматься. Крестьянство отказывалось от разведения коров и овец, отдавая предпочтение работе в отраслях сферы услуг в городах и превратившись в «маятниковых мигрантов» (Рисунок 1).

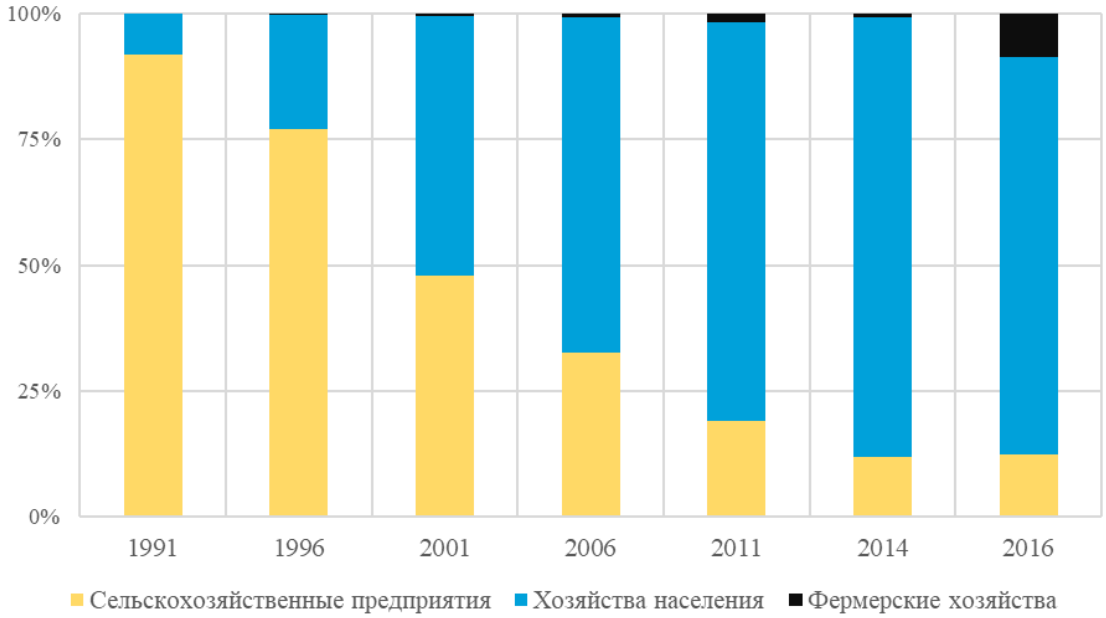

Рисунок 1 – Динамика распределения поголовья КРС по категориям хозяйств (в %)

В экономической освоенности территории Крыма наблюдается диспропорция внутреннего развития, на которое повлияла неравномерность распределения природно-ресурсных, производственных и социальных ресурсов [26]. Аграрные степные районы в «постколхозный» период стали периферией и основным источником социальных ресурсов для городов и прибрежных рекреационных районов, активно развивающихся в настоящий момент. Депрессивность степной зоны определяется кризисом неорганизованного сельского хозяйства, лишенного инвестиций и импульсивно поддерживаемого государством. Сегодня целый ряд барьеров ограничивают развитие сельского хозяйства Крыма [27, с.169-170]: специфические природно-климатические условия в северных районах полуострова (подверженность влиянию засух и возвратных холодов); низкая инвестиционная привлекательность сельскохозяйственной отрасли; водный дефицит (возник после перекрытия Украиной водоснабжения по Северо-Крымскому каналу в летний период 2014 года); отсутствие структурированной программы помощи сельскохозяйственным предприятиям и крестьянским фермерским хозяйствам (кредитование и субсидирование со стороны

государства); архаизация животноводческих комплексов, требующих модернизации; общая деградация объектов инфраструктуры в сельской местности; этническое разнообразие сельских территорий Крыма. Для минимизации убытков от вододефицита, реализуются государственные программы социально-экономического развития региона и сельского хозяйства Крыма, которые недостаточно эффективны в силу методической несостоятельности и спешной разработки. В результате проблемы аграрного сектора углубляются, о чем свидетельствует спад основных показателей сельскохозяйственного производства в Крыму после 2014 года (Рисунок 2).

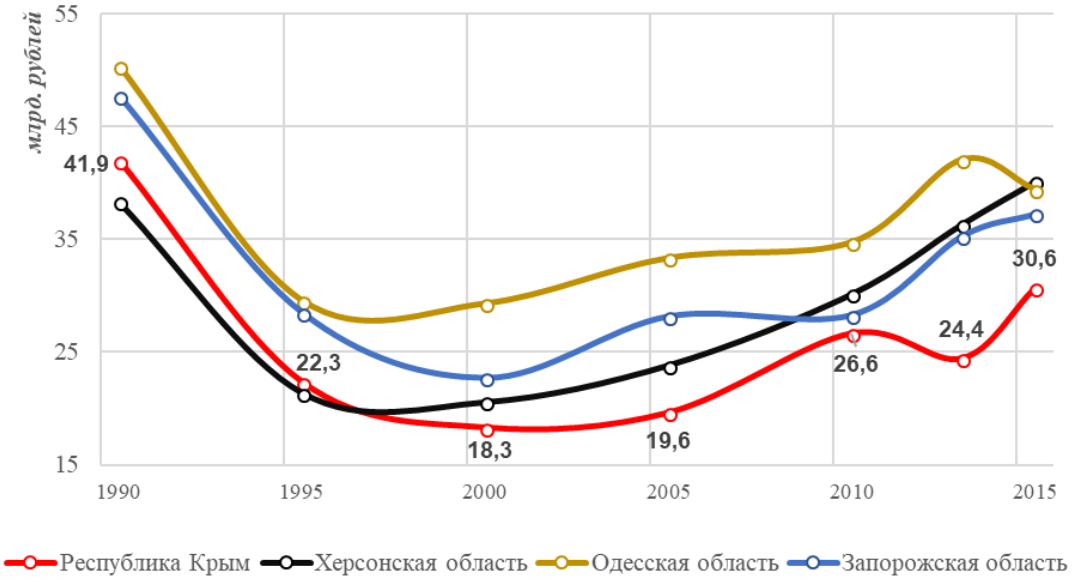

Рисунок 2 – Динамика производства сельскохозяйственной продукции в Республика Крым и соседних регионах Украины (в ценах 2010 года)

Сегодня ряд сдерживающих факторов не позволяют отрасли развиваться: нестабильность объема производства мяса из-за доминирования ЛПХ на рынке; отсутствие стратегии оказания государственной поддержки; природно-климатические риски и рост цен на зерновые культуры после закрытия Северо-Крымского канала; дефицит инвестирования в животноводство из-за санкций стран Запада; разрушение животноводческого комплекса коллективных хозяйств и высокая степень износа сохранившихся фондов мощностей. Меры по минимизации влияния этих факторов заложены в стратегии социально-экономического развития региона и целевой программе развития сельского хозяйства, но неэффективность работы органов власти Крыма и несвоевременность оказания поддержки хозяйствам населения провоцирует дальнейшее сокращение производства мяса.

Стихийность и непостоянство домашней экономики сделало отрасль нестабильной и уязвимой перед различными экзогенными процессами. Впрочем, в 2000-е годы в сель-

ской местности проявились некоторые черты локальной системности производства. Кооперация хозяйств населения (источников сырья) и фермерских хозяйств (производителей молочных продукций) способствовала созданию экономических связей внутри сельского социума и стабилизировала объемы производства молока. Сжатие неформальной экономики села и повышение издержек сельского образа жизни сконцентрировало в отрасли производства молока лишь тех сельских жителей, которые сделали его основным источником получения дохода. Возможные убытки в «безмолочный» зимний период компенсирует, сопряженное с производством молока, мясное животноводство.

«Асьедезация» и консолидация рентабельных мощностей бывших коллективных хозяйств в руках частного капитала в результате «неконтролируемой» приватизации привели к резкому снижению поголовья скота в Крыму. Поскольку мясомолочное животноводство на полуострова являлось дотационной отраслью хозяйствования еще в советский период, то в 1990-е годы фермеры начали избавляться от его остатков, специализируясь исключительно на растениеводстве. В середине 1990-х годов поголовье крупного рогатого скота коллективных хозяйств было распределено между бывшими колхозниками, и к 2000 году в Крыму подавляющее большинство поголовья скота сконцентрировалось в хозяйствах населения, которые в последствии стали основными производителями мяса и молока. Острый дефицит легальных источников дохода в 1990-е годы послужил толчком для разрастания теневого сектора экономики, и животноводство стало ключевой отраслью неформальной занятости сельского населения, которое в результате пауперизации стремительно маргинализовалось.

В степной зоне полуострова существуют сельскохозяйственные предприятия, специализирующиеся на животноводстве. Они были образованы на базе мощностей бывших коллективных хозяйств и птицефабрик по причине наличия предприимчивых селян в руководстве колхозов. В данном случае решающее значение имела личность председателя хозяйства, который, в сложных условиях «дикого капитализма», сумел консолидировать активы колхоза в своих руках и сохранил поголовье скота. В фермерском движении животноводство стало своеобразной страховкой – способом обеспечения экономической устойчивости в условиях засушливости климата. Рискованное земледелие подвергает рискам выращивание основных сельскохозяйственных культур, и дополнительная статья стабильного дохода в виде содержания животноводческих комплексов способна минимизировать убытки от неурожаев. Также фермеры используют собственное поголовье скота в качестве имущественных гарантий перед банками для получения кредитных займов, направленных на диверсификацию бизнеса. Причем, несмотря на официальный статус

крестьянских фермерских хозяйств, большая часть их экономической активности находится в сфере неформальной экономики: если масштабы сбора зерновых культур отслеживаются на элеваторах, то объемы продукции животноводства скрыты от государства (неточность подаваемой фермерами информации о количестве занятых, численности поголовья скота и пр.).

В последние десятилетия в России на фоне роста благосостояния начинает формироваться слой фермеров-производителей, которые ориентированы на производство экологически чистой продукции. Объемы их продукции невелики и рассчитаны на городских жителей, с которыми фермер устанавливает доверительные отношения. Возникновение экологических поселений и феномен «дауншифтеров», бросивших надоевший город и покоряющих депопулирующие сельские территории России, только стимулируют спрос на потребление экологически чистой продукции. Однако расположенная в отдалении от российских мегаполисов Республика Крым не попадает под влияние экологического тренда, который набирает обороты с 2012 года. Основными факторами, которые препятствуют развитию данного феномена на Крымском полуострове являются: относительно высокий уровень бедности; анахроничное сельское хозяйство (устаревшие приемы производства продукции); господство примитивного постсоветского шаблона организации экономической активности; небольшое количество фермерских хозяйств; низкий уровень развития гражданского общества.

4 РОЛЬ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ УСТОЙЧИВОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Сегодня практики, используемые сельскими семейными домохозяйствами, выращивающими животноводческую или растениеводческую продукцию, зависят от целей использования этой продукции: для удовлетворения потребностей самого домохозяйства; для реализации продукции другим домохозяйствам своего поселения; для реализации продукции за пределами своего поселения. В ходе наших полевых экспедиций мы не обнаружили домохозяйства, изначально нацеленные на производство неэкологической продукции: даже домохозяйства, ориентированные на реализацию своей продукции в достаточно значительных объемах, как правило, выбирали ту или иную стратегию, позволяющую им не выходить за пределы экологических нормативов (Таблица 1). Безусловно, владельцы двух первых типов домохозяйств предъявляют к своей продукции, с точки зрения ее экологической чистоты, одни из самых жестких требований, потому что на первый план выходит забота о здоровье членов семьи и общественное мнение односельчан – потребителей производимой домохозяйством продукции. Для третьего типа домохозяйств главное – себестоимость продукции и мнение постоянных покупателей. При этом понятие «экологическая чистота» для большинства сельских жителей является условным, поскольку одни под ним понимают полный запрет на использование химикатов при производстве продукции, а другие допускают применение разрешенных препаратов в разумных пределах.

Вместе с тем домохозяйства второго типа, реализующие продукцию в своем поселении, имеют круг постоянных покупателей среди односельчан, предъявляющих строгие требования к качеству продукции. Причем эти круги постоянных покупателей формируются по критериям финансовой состоятельности как производителя-продавца, так и покупателя, и поддерживаются на уровне общественного мнения. Чем выше финансовые возможности как тех, так и других, тем строже требования, предъявляемые к экологической чистоте продукта. В любом из этих кругов потребитель всегда может увидеть весь процесс – от производства до переработки – и оценить его чистоту и экологичность. В случае невозможности получения покупателем продукции у своего производителя переход его в

другие круги того же поселения не происходит – скорее он найдет производителя такого же уровня экологичности в соседнем поселении или временно откажется от потребления.

Таблица 1 – Типология сельских семейных домохозяйств, выращивающих животноводческую или растениеводческую продукцию

По целям использования продукции	По производству	По требованиям к экологической чистоте	По утилизации отходов	По использованию природных ресурсов
Для удовлетворения потребностей самого домохозяйства	Выращивают всего понемногу	Относительно жесткие при слабой зависимости от финансовых возможностей	Своими силами на территории домохозяйства, безотходное производство	Умеренная эксплуатация
Для реализации в своем поселении	Монопродуктовое	От строгих до умеренных в зависимости от финансовых возможностей	Серьезные проблемы, стихийная утилизация за пределами домохозяйства	Повышенный режим эксплуатации конкретного ресурса
Для реализации за пределами поселения	Диверсифицированное	Умеренные при средней зависимости от финансовых возможностей	Организованная утилизация за пределами (своими силами, централизованная), зависит от финансовых возможностей	Высокий режим эксплуатации

В домохозяйствах первого типа, как правило, не возникает проблем с утилизацией бытовых и хозяйственных отходов, поскольку, производя все необходимое для себя в небольших объемах, они используют излишки или для корма животных, или складывают их в компостные ямы для последующего использования в качестве органического удобрения. Можно сказать, что это практически безотходные хозяйства. Второй тип домохозяйств в силу доминирования в производственном цикле одного продукта сталкивается с достаточно серьезными проблемами утилизации хозяйственных отходов. Так, на Кубани хозяйства, занимающиеся выращиванием домашней птицы или свиней, не могут, в частности, договориться с фермерами или крупными хозяйствами об использовании отходов жизнедеятельности птиц и свиней в качестве органического удобрения на их полях, хотя такие отходы от крупного рогатого скота у домохозяйств они принимают без ограничений (за исключением наличия в навозе мусора). Поэтому домохозяйствам второго типа приходится самостоятельно заниматься утилизацией отходов, которая банально сводится к вывозу последних в лесополосы, овраги или пролески. К тому же производственный цикл этого типа домохозяйств предполагает высокую эксплуатацию какого-либо ресурса, например, водного или почвенного.

Третий тип домохозяйств, ориентированный на внешнего (за пределами поселения) потребителя, отличается от первых двух, прежде всего, возможностями диверсификации продукции. У них, как правило, имеется инфраструктура для переработки сырья (не обязательно собственного) и одно или несколько транспортных средств для вывоза готовой продукции. Эти домохозяйства не работают с перекупщиками, реализацией продукции занимается или кто-то из членов семьи, или родственники, реже привлекается наемный менеджер. Продукция продается на рынках, ярмарках или сдается для продажи небольшим магазинам. Поскольку эта продукция почти всегда продается в одних и тех же местах в определенное время (например, в выходные или два раза в неделю) и зарекомендовала себя как качественный экологический продукт, то у этого типа домохозяйств также формируется постоянный круг покупателей, но цена продукции может быть выше, чем у других продавцов. Как правило, для этого типа хозяйств, особенно, если используется переработка сырья, также характерен высокий режим эксплуатации природных ресурсов, например, при производстве молочной продукции используется большое количество воды. Вместе с тем, у этих домохозяйств почти не возникает проблем с утилизацией производственных отходов – обычно они стараются договориться с фермерами или крупными хозяйствами о приеме их отходов или вывозят их большими партиями на организованные полигоны своими силами.

Следует отметить, что для регионов с интенсивным развитием сельского хозяйства, к которым относятся Кубань, Ставрополье, Белгородская и Липецкая области, характерно большее, чем для экстенсивных форм развития, типологическое разнообразие социально-экологических и хозяйственно-экономических практик домохозяйств. С одной стороны, в регионах с интенсивным развитием у домохозяйств больше экономических и финансовых возможностей для адаптации к быстро меняющимся условиям, с другой стороны, промышленное сельское хозяйство посредством интенсивной эксплуатации природных ресурсов иногда необратимо меняет естественную экосистему местности, тем самым, не оставляя мелким производителям шансов на производство экологически чистой продукции. Тем не менее, семейная экономика большинства сельских домохозяйств направлена на обеспечение средств к существованию, в отличие от постсоветского периода 1990-х годов, когда основной целью экономики сельских домохозяйств было финансовое обеспечение послешкольного образования детей. Стратегии самообеспечения подбираются домохозяйствами на основе мобилизации и комбинации имеющихся в их распоряжении ресурсов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экологическая проблематика городских поселений постоянно находится в зоне придирчивого и неослабевающего внимания политиков, управленцев, специалистов и ученых-представителей разных дисциплинарных направлений. Однако экология сельской местности до сих пор еще не вошла в активную зону дискурсивного общественного пространства – деревня привычно выглядит в общественном мнении неким экологическим анклавом, куда горожане едут за тишиной, чистым воздухом и природными рекреационными удовольствиями. Правда, в последнее время кризисные экологические ситуации начали систематически перебрасываться и в негородские пространства (речь идет о начавшейся в 2017 году скандальной эпопее с подмосковными свалками). Тем не менее, пока еще настоящая деревенская глубинка представляется свободной от большинства экологических проблем, присущих индустриальным и просто крупным городам.

В целом за столетний период произошла деформация и даже разрушение экологического равновесия между крестьянскими домохозяйствами и привычной средой их жизнедеятельности, причем не только в результате целенаправленного воздействия «сверху», но и по недосмотру и непрофессионализму управленцев, которые пренебрегали исконно крестьянским опытом хозяйственной деятельности. Тем не менее, организаторы российской политики повсеместного огосударствления пространства явно ставили перед собой прагматическую цель – снять те ограничения для быстрого экономического роста, которые накладывались на него прежней общинной моделью природопользования и независимыми крестьянскими природоохранными институциями. А потому по сравнению с концом 1980-х – началом 1990-х годов (не говоря уже о последней четверти века) экологическая ситуация в прежней, общинно-единоличной, доколхозной деревне представляется нашим нынешним сельским респондентам эталонной, «золотым веком» повседневного хозяйствования и в целом жизни в гармонии с природой.

Сегодня эволюция неформальных социально-экологических практик сельских домохозяйств в странах с продвинутой экономикой тесно связана с развитием инновационных технологий в разных областях жизнедеятельности. Так, в настоящее время основное внимание зарубежных исследователей, занимающихся изучением социально-экологических практик сельских домохозяйств, направлено на поиск баланса между экологическими, экономическими и социальными запросами со стороны таких неформальных единиц, какими являются домохозяйства, и общими глобализационными производственными про-

цессами, носящими в основном формальный характер, задающими стандарты потребления и образа жизни значительной части населения развитых стран мира. Субъектами последних являются крупные компании и холдинги, деятельность которых зачастую оказывает негативное воздействие на экологическое состояние сельских территорий: нарушается их устойчивость к разного рода природным катаклизмам, изменяются процессы почвообразования, сокращается биоразнообразие, падает плодородие почв. Самыми уязвимыми от негативных последствий таких процессов приходится именно на сельские домохозяйства, возможности функционирования которых в условиях жесткой конкуренции с крупными компаниями и холдингами в рамках традиционных моделей своих повседневных практик резко сокращаются. Сельское население оказывается перед выбором: или менять образ жизни на потребительский и уезжать в город, или искать возможности на базе новых технологий и инновационных решений для развития своих домохозяйств в гармонии с окружающей средой.

Научный анализ актуальных форм и перспектив эволюции хозяйственных, агрономических, потребительских и социально-культурных практик сельских домохозяйств, окажется не вполне последовательным и обстоятельным, если не принять во внимание некие обобщающие характеристики, касающиеся экологической истории сельских поселений России и отдельных стран СНГ. Причем в данном случае интерес представляют не только подытоживающие оценки и выводы, – особую ценность приобретают свидетельства, полученные, что называется, из первых рук. Здесь мы имеем в виду так называемые крестьянские нарративы, записанные в ряде ключевых регионов сельской России, а также в отдельных белорусских селах и хуторах.

Подобного рода эмпирический материал для целей анализа накапливался в течение ряда лет, буквально по крупицам и, что представляет особый научный интерес – данный материал в полной мере можно расценить как уникальный, поскольку был собран в режиме социологических экспедиций, посвященных изучению села. В составе программ полевых исследований фигурировал целый ряд вопросов, стратегической целью которых было с достаточной степенью подробности и детализированности воспроизвести содержание повседневных хозяйственно-экономических, а также, по возможности, социально-культурных крестьянских практик под углом зрения экологических компонентов последних. Эта процедура предназначалась для системного изучения различных аспектов деятельности как домохозяйств, так и производственных институций (колхозы, совхозы, промысловые артели и проч.). Таким образом, мы получаем возможность, анализируя накопленные данные, представленные в виде записей наблюдений, социологических ин-

тервью и различных справочных материалов, выстроить картину эволюции процессов, в центре которых располагается именно социально-экологическая проблематика, увязанная с базисными основами неформальной экономики сельских домохозяйств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Ахиезер А.С. Экологические проблемы на Съезде народных депутатов СССР (май-июнь 1989). М., 1990.

2 Веклич О.А. Эколого-экономические противоречия. О некоторых вопросах моделирования экономических процессов с учетом экологических проблем // Вестник МГУ. 2004. №3.

3 Докторов Б., Сафронов В. Экологическое сознание, социальная коммуникация и ситуация в обществе: закономерности связи и развития // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны. Ч.I / Отв. ред. Б. Фирсов. М., 1990.

4 Моисеев Н.Н. Человек, среда, общество. Проблемы формализованного описания. М., 1982.

5 Торопов Д.И., Соколова И.С. Малое предпринимательство: сельский аспект // АПК: экономика, управление. 2010. №2.

6 Уразаев Н.А., Вакулин А.А., Никитин А.В. Сельскохозяйственная экология. М., 2000.

7 Хильми Г.Ф. Уроки биосферы // Методологические аспекты исследования биосферы / Ред. И. Новик, Г. Хильми, А. Шаталов. М., 1975.

8 Шубин А. Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах // Экологические организации на территории бывшего СССР. М., 1992.

9 Яницкий О. Взаимодействие человека и биосферы как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1978. №3.

10 Шанин Т. Идея прогресса // Вопросы философии. 1998. №8

11 Biodynamic agriculture // https://en.wikipedia.org/wiki/Biodynamic_agriculture.

12 Social farming in Europe // PRO.FARM. 05.05.2017 // https://en.wikipedia.org/wiki/Biodynamic_agriculture.

13 García-Llorente M., Rossignoli C.M., Di Iacovo F., Moruzzo, R. Social farming in the promotion of social-ecological sustainability in Rrral and periurban areas // Sustainability. 2016. No.8.

14 Rural Development in the EU – Statistical and Economic Information. European Commission Report 2013 // http://ec.europa.eu/agriculture/statistics/rural-development/2013/full-text_en.pdf.

15 Chovanec T., Hudcová E., Moudrý J. Social Farming – presentation of the concept. 2015 // http://www.netzp.cz/web_files/Social-Farming.pdf.

16 Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В. Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. №2.
17 Пивовар Г.А., Алексеев А.И., Гусаков Т.Ю. и др. Рост полифункциональности сельской местности: пример района на границе Московской агломерации // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. №2.
18 Сафронова Е.И. «Водная проблема» в Центральной Азии и ее влияние на имидж России и Китая в регионе // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. №14.
19 Бондаревська К.В. Тенденції розвитку аграрного сектору економіки України // Економіка АПК. 2014. №11.
20 Чабан Г.В. Вплив домогосподарств на соціально-економічний розвиток України // Економіка і суспільство. 2017. №12.
21 Гайдуцький П.І. Аграрна реформа Л.Д. Кучми в Україні. К., 2015.
22 Статистична інформація // www.ukrstat.gov.ua.
23 Інвестиції в «зелену економіку» // http://www.greenmind.com.ua/upload/forum2013/daria-revina.pdf.
24 Сенів Л.А, Малиновський Ю.В. Особливості джерел доходів населення України // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». 2011. №720.
25 Сидорович В. Мировая энергетическая революция: как возобновляемые источники энергии изменят наш мир. М., 2015.
26 Про Стратегію економічного та соціального розвитку Автономної Республіки Крим на 2011-2020 рокию Постанова Верховної Ради Автономної Республіки Крим від 22.12.2010. № 121-6/10 // https://goo.gl/LyzTa2.
27 Майданевич Ю.П. Сельское хозяйство Республики Крым: перспективы развития // Интеграция Республики Крым в систему экономических связей Российской Федерации: теория и практика управления. Симферополь, 2016.